

Доклад

Джон Хизершо и Дэвид У. Монтгомери
Программа «Россия-Евразия» | Ноябрь 2014

Миф о радикализации ислама в республиках Средней Азии в постсоветский период

**CHATHAM
HOUSE**

The Royal Institute of
International Affairs

Аннотация

Обычно считается, что в Средней Азии существует широко распространенная и растущая проблема «радикализации ислама», при этом в регионе почти не находится свидетельств существенного уровня исламского экстремизма и политической агрессии. Столь ошибочная идентификация ислама (особенно ислама политического) со стороны специалистов по безопасности в Средней Азии существенно искажает ситуацию. В настоящей статье рассматривается шесть широко распространенных заблуждений в рамках мифа о радикализации ислама в Средней Азии в постсоветский период. Используя результаты исследования и примеры из работы на местах, мы демонстрируем, что существование «радикализации» подобного рода не подкрепляется доказательствами. В статье обосновываются следующие положения:

- В связи с радикализацией ислама в постсоветский период на территории Средней Азии ведутся обсуждения по вопросам международной безопасности. В отчетах многих экспертов по международной безопасности содержится явная критика подавления умеренного ислама правительствами стран Средней Азии, при этом предполагается, что отдельные случаи воинствующего экстремизма являются частью процесса радикализации ислама в постсоветском периоде. В свете данного мифа считается, что подобная агрессия связана с ненасильственными формами политического ислама и с общественными тенденциями в сторону более активного публичного проявления набожности.
- Имеется недостаточно доказательств в поддержку тезиса о радикализации ислама в постсоветском периоде. В частности, угроза воинствующего экстремизма имеет меньший масштаб, чем считается в мифе, а также иную форму. Он изолирован, локализован и ограничивается секуляризмом столь же сильно, как и поддерживается радикализацией.
- Миф о радикализации важен, поскольку он имеет политическое влияние. Он порождает широко распространенные, но ошибочные точки отсчета. Именно на этих точках отсчета строятся известные оценки угрозы, сотрудничество в рамках инициатив по борьбе с радикализацией, а также международная поддержка безопасности в регионе. Этот миф узаконивает воинствующий секуляризм слабых режимов и может представлять собой более серьезную проблему, чем воинствующий экстремизм.

Введение¹

Западным специалистам, изучающим политический ислам, зачастую приходится выбирать между риском быть обвиненным в исламофобии и риском отрицания насилия, совершаемого «во имя Аллаха». В настоящей статье мы отходим от столь бесполезной системы ориентиров и анализируем, справедливы ли лежащие в ее основе утверждения об угрозе политического ислама в Средней Азии. В статье рассматривается справедливость утверждений, которые зачастую делаются в отношении того, как возрождение ислама и «радикализация» влияют на безопасность в Средней Азии в постсоветский период; кроме этого, в статье доказывается, что утверждение об общей радикализации ислама является мифом, поддерживаемым специалистами по безопасности и обозревателями, располагающими недостаточными фактами.² Мы не согласны с попытками связать конкретные примеры воинствующего экстремизма с ненасильственным политическим исламом в рамках тенденции к радикализации ислама в постсоветский период.³ С этой целью мы сформулировали и рассмотрели шесть мифов о радикализации, которые считаются очевидными фактами в средствах массовой информации и в политических сообществах как на Западе, так и на Востоке. Эти утверждения находят широкую поддержку в сфере национальной и международной безопасности в отношении ислама в Средней Азии.

Это следующие утверждения:

- в постсоветском периоде происходит возрождение ислама;
- исламизация означает радикализацию;
- авторитаризм и бедность приводят к радикализации;
- подпольные мусульманские группировки радикальны;
- подпольные мусульманские группировки объединены в международную сеть, и
- политический ислам противостоит светскому государству.

¹ Часть научного исследования и написания материала была выполнена Джоном Хизершо в рамках проекта Совета по экономическим и социальным исследованиям (ES/J013056/1) «Усиливающаяся власть и урегулирование конфликтов в Средней Азии», а также Дэвидом Монтгомери как часть стипендиальной программы Individual Advanced Research Opportunities Совета по международным научным исследованиям и обмену. Кэтрин Оуэн и Элима Каралаева оказали помощь в проведении научно-исследовательских работ. Адиб Халид, Йохан Расанаягам и Дэвид Льюис предоставили многочисленные комментарии к первым вариантам статьи.

² Терминология, используемая в изучении религии и вопросов безопасности, вызывает недоумение. Термины «радикализм», «воинственность» и «джихадизм» часто используются небрежно и без четких определений. Мы используем такие спорные термины, как «исламизация», «радикализация» и другие, исходя из их практического применения в дискурсе специалистов по вопросам безопасности Запады и Средней Азии. Таким образом, под «исламизацией» подразумевается общее движение в сторону более активного публичного проявления набожности как отдельного человека, так и общества, а религиозная «радикализация» понимается как общий процесс перехода от относительного безразличия к политической мобилизации против светского правительства и общества.

³ Авторы статьи используют термины «политический ислам», «воинствующий экстремизм» и «воинствующие экстремистские организации» (ВЭО) в качестве собственных категорий анализа. Здесь под политическим исламом подразумеваются все политические проявления ислама от духовных лиц государства (муфтиев, комитетов по вопросам религии) в адрес не исламистских политических движений и исламистских группировок. Все они могут быть как воинствующими, так и ненасильственными. Если группировки придерживаются взглядов, несовместимых с принципами современного государства, а также прибегают к насильственным действиям для достижения собственных целей, то такие группировки именуется «воинствующими экстремистами».

В настоящей статье доказывается, что в Средней Азии относительно немного мусульман и исламистских группировок прибегают к агрессивным действиям во имя ислама, и они не отражают наличие более широких тенденций и не имеют причинно-следственной связи. Неоправданные обобщения, сделанные на основании небольшого количества инцидентов, отвлекают внимание с одной стороны от общего процесса выживания и видоизменения секуляризма в советское время и с другой - от более глубокого понимания природы воинствующего экстремизма, несмотря на то, что он является редким и исключительным явлением. В частности, для глубокого понимания ситуации с политическим исламом в Средней Азии необходимо лучше разобраться в сложных взаимоотношениях между секуляризмом, исламом и государством. Более того, секуляризация является мощной движущей силой в постсоветском исламском мире, которая имеет множество проявлений, в том числе и противоречащих друг другу. Она ограничивает радикализм, но в то же время порождает непомерно раздутые страхи в отношении ислама. На фоне светского постсоветского общества особенно выделяется небольшое количество военизированных группировок, но при этом подобный контраст снижает их привлекательность для широкой общественности.

В связи с этим настоящая статья ставит под вопрос представления ислама и политического ислама (включая понятия «исламизация» и «радикализация») в Средней Азии в рамках светского дискурса, а также при анализе политики в Средней Азии. Эти спорные термины в контексте использования и определения их в секулярном дискурсе, связанном с безопасностью в регионе, делается для исследования дискурсов с использованием их собственной терминологии. Под «дискурсами» мы понимаем как обобщенные тексты об исламе в республиках Средней Азии, которые встречаются в анализе (при рассмотрении радикализации, повстанческих и протестных действий), и как описание отдельных событий (например, путча в Кыргызстане в 2010 году и насилие в Раште (Таджикистан) в 2010-2011 годы).

Для оценки правдивости ряда утверждений о масштабе воинствующего экстремизма, а также для определения лиц, ответственных за тот или иной инцидент, необходимо тщательное исследование каждого эпизода, что не является задачей нашей статьи. Задачей статьи является анализ утверждений о природе «радикализации» в Средней Азии на основе подобных событий, то есть, что именно обнаруживает определенное событие, какие тенденции выявляет и какие общие характеристики подразумеваются. Перечень утверждений был выявлен в результате качественного анализа всех ссылок на «ислам», «радикализацию» и упоминания связанных с ними терминов в отчетах Международной группы по предотвращению кризисов (ICG) за пятилетний период с 2009 по 2013 годы.⁴

⁴ Международная группа по предотвращению кризисов (ICG) была выбрана за счет того, что она является самой выдающейся и признанной аналитической организацией, которая занимается международными вопросами и проблемами Средней Азии. Она была выбрана по общепризнанным критериям отбора для иллюстративного исследования единичного случая на основании того, что Группа с наименьшей долей вероятности может подтвердить существование мифа. Иными словами, ICG является обеспеченной ресурсами, и вероятность получить от нее ошибочный анализ намного ниже, чем от более слабой и менее признанной организации. Если миф присутствует в материалах ICG, вероятность того, что он встретится в другом источнике, будет еще выше. Для наглядности здесь приводятся примеры из других публикаций, которые свидетельствуют о широкой распространенности мифа и зачастую демонстрируют непродуманное применение терминологии.

В статье демонстрируется, что каждое из шести утверждений в той или иной степени присутствует в дискурсе ICG в отношении ислама и Средней Азии. По возможности (с учетом ограничений формата короткой статьи) мы покажем, что данные утверждения присутствуют в более широком дискурсе международной безопасности, а также в политических дебатах внутри региона. Затем на основании последних научных исследований, проводимых как авторами статьи, так и рядом коллег, мы оценим, насколько каждое утверждение подкрепляется опытом социальной и политической исламской жизни в Средней Азии. Мы исходим из результатов полевой работы автора и оригинального исследования в Кыргызстане⁵, а также из результатов других недавних академических трудов по вопросам ислама в Средней Азии. Представленные в статье шесть утверждений, регулярно встречающихся в светском дискурсе по вопросам безопасности. Кроме одного, на практике не находят подтверждений. Таким образом, идея радикализации ислама на территории Средней Азии в постсоветский период является мифом. Немногочисленные существующие радикальные группировки и возникающие насильственные действия рекомендуется рассматривать по отдельности, а не в рамках предполагаемой общей тенденции к радикализации. При этом мифы не имеют случайного характера: они несут последствия в равной степени как для мифотворцев, так и для объектов мифа.

Возрождение ислама в постсоветский период

Многие социологи 20 века были убеждены, что влияние религии как социальной движущей силы в мире снижалось в силу постепенного распространения модернизации и секуляризации.⁶ Таким образом, логично искать подъем политического ислама в открывающемся для мира Советском Союзе конца 1980-х годов; это послужило бы примером просыпающегося самосознания и отчасти – предполагаемого противостояния исламского мира прозападным тенденциям. В самом деле, такие политические партии, как Всесоюзная исламская партия возрождения, были учреждены в 1987 году в Москве, что на первый взгляд кажется доказательством обсуждаемого возрождения. Международная группа по предотвращению кризисов (ICG) разделяет эту точку зрения и заявляет, что «многие обратились к религии в ответ на 70 лет атеизма. [Например], в результате крушения Советского Союза и его коммунистической идеологии все больше женщин стали обращаться к исламу, который был доступным и социально одобряемым путем самоидентификации».⁷ Специалисты, изучающие политический ислам, сочли рост числа мечетей в регионе с

⁵ Если в тексте не указано обратное, в настоящей статье используются данные исследования от 2005 года, посвященного религиозным и культурным практикам, которое было проведено Монтгомери в Ошской и Нарынской областях Кыргызстана. Ошская область обычно считается религиозной, с узбекским влиянием, при этом Нарынскую область обычно считают самым типичным кыргызским районом страны. Опрос состоял из более чем 180 вопросов и собрал 829 полных ответов. Более 97 процентов из 829 респондентов причислили себя к мусульманам; для настоящей статьи анализировались общие показатели в отношении к этносу и к региону, при этом под «севером» подразумевалась Нарынская область, а под «югом» – Ошская. В статье сохранено разграничение севера и юга ради удобства отсылки к различиям внутри страны. См. David W. Montgomery, *The Transmission of Religious and Cultural Knowledge and Potentiality in Practice: An Anthropology of Social Navigation in the Kyrgyz Republic* (Religious Studies, Boston University, 2007).

⁶ Исходное заявление тезиса о секуляризации теперь считается ошибочным, особенно в свете того, как Бергер в 1999 году публично отказался от основополагающей формулировки своей работы, написанной тридцатью годами ранее, см. Peter L. Berger, *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (Anchor Books, 1967); Berger, ed., *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics* (Eerdmans Publishing, 1999). Не все согласились с собственной переоценкой Бергера его теории о секуляризации. См. Steve Bruce, 'The Curious Case of the Unnecessary Recantation: Berger and Secularization', in Paul Heelas, David Martin and Linda Woodhead (eds), *Peter Berger and the Study of Religion*, pp. 87–100 (Routledge, 2001).

⁷ International Crisis Group (ICG), Women and Radicalisation in Kyrgyzstan, Report No. 1763, (September 2009), c. i, 2.

момента развала Советского Союза значительным, а также возникновение таких движений, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и вспышки вооруженных конфликтов в Таджикистане и Чечне, в которых участвуют явно исламистские группировки, свидетельством того, что перестройка подтолкнула возрождение ислама. В целом утверждается, что возрождение ислама в постсоветский период, проявляющееся в постепенной исламизации Средней Азии, характеризуется как повышением личной религиозности, так и публичного проявления ислама.

Уровень исламской активности среди преимущественно мусульманского населения Средней Азии несомненно вырос с 1991 года за счет появления больших возможностей выражения религиозной веры после крушения мощного, частично атеистического советского государства. Среди признаков подобного роста можно назвать неоднократно упоминавшееся строительство новых мечетей, их более активную посещаемость, рост групп по изучению ислама и большую распространенность исламского стиля одежды. Наше исследование подтвердило, что подобные наблюдаемые признаки сопровождаются более активным соблюдением основных принципов ислама. К примеру, 43 процента респондентов ответили, что они молятся чаще, чем до получения их страной независимости.⁸ Логично предположить, что за социальными изменениями стоят важные политические предпосылки. Правительства стран Средней Азии нередко озвучивают эти страхи.

И тем не менее идея возрождения является дезориентирующей, поскольку подразумевает наблюдавшуюся ранее безжизненность или как минимум пассивность ислама как социальной движущей силы. На самом деле ислам никогда не исчезал на период советской власти, а в поздние годы советского периода он уже восстанавливался. В действительности более корректной точкой отсчета для современной религиозной жизни в регионе следует считать видоизменение формы ислама в республиках бывшего Советского Союза, а не процесс «возврата» к прошлому.⁹ Система советского государства налагала ряд ограничений на отправление религиозных обрядов, видоизменяла формы религиозного учения и активно отводила ислам в сферу частной жизни. Там, где религия присутствовала в общественной жизни, ее описывали термином «традиция»; сама религия при этом не исчезала. Быть мусульманином означало быть гражданином страны и быть светским лицом, поскольку предполагалось, что светское государство имеет полномочия по регулированию религиозных вопросов. Это может казаться странным и даже парадоксальным, но если внимательнее изучить вопрос возникновения отдельных форм секуляризма в мусульманском мире от Турции до Индонезии, подобное уже происходило.

Что еще более важно, следует внимательно рассмотреть историю советского ислама. Недавние исследования сосредотачиваются на том, что после изначального и почти полного угнетения публичного проявления ислама в 1920–30 годах советская власть перешла скорее к

⁸ По результатам исследования Монтгомери (Montgomery, 2005).

⁹ Все больше этнографов-исламоведов сходятся во мнении, что современные изменения в религиозности в значительной мере продиктованы советским прошлым. См. Irene Hilgers, *Why Do Uzbeks Have to be Muslims? Exploring Religiosity in the Ferghana Valley* (Lit Verlag, 2009); Krisztina Kehl-Bodrogi, *Religion is Not So Strong Here: Muslim Religious Life in Khorezm after Socialism* (Lit Verlag, 2008); Maria Louw, *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia* (Routledge, 2007); Montgomery (2007); Johan Rasanayagam, *Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience* (Cambridge University Press, 2011); Julie McBrien, *The Fruit of Devotion: Islam and Modernity in Kyrgyzstan*, PhD dissertation, Martin Luther University, Halle-Wittenberg, 2008; 'Hélène Thibault, 'The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces', *Studies in Religion*, 42 (2): 173–89 (2014).

привлечению ислама на свою сторону, чем к его уничтожению.¹⁰ Начиная как минимум с 1950-х годов, возможности отправления религиозных обрядов расширялись и были юридически закреплены в конце 80-х годов с принятием политики гласности. Неформальные религиозные объединения продолжали работу на протяжении всего этого периода; власти относились к ним терпимо и иногда оказывали поддержку. К примеру, Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ), получившая в 1990 году официальный статус отделения Всесоюзной исламской партии возрождения, берет свое начало в 1973 году. Вместо того, чтобы организовать параллельное подпольное движение, члены и лидеры партии зачастую занимали должности в новых мечетях и в государственных религиозных организациях. Джамаат-э Таблиг начал работать в Средней Азии с 1960-х годов в рамках программ студенческого обмена с Индией, хотя организация начала расширяться только после 1991 года; на сегодняшний день их влияние таково, что в 2010 году лидер таблигитов был назначен муфтием Центральной мечети Бишкека.¹¹ Таким образом, представление исламского возрождения как явления эпохи перестройки и постсоветского периода, которое существовало параллельно «официальному» исламу и соперничало с ним, является скорее предвзятым мнением специалистов-аналитиков, чем точным отражением исторических данных. С конца 1980-х годов общественная религиозная жизнь стала разностороннее и многообразнее, при этом в исламе постсоветского периода просматривается преемственность от позднего советского периода.¹²

Исламизация означает радикализацию

Продолжая идею религиозного возрождения в постсоветском периоде, уже стало привычным связывать «исламизацию» (которая объявляется доказательством возрождения) с процессом, обозначаемым термином «радикализация». В целом утверждается, что население, более строго соблюдающее ислам, с большей долей вероятности может поддерживать радикализацию и даже терроризм. В отчете *Kyrgyzstan: Widening Ethnic Divisions in the South* (2012) группа ICG цитирует слова одного из местных жителей, который говорит, что его собратья узбеки «зациклились на себе [и] на Аллахе». Из этой цитаты делается вывод, что подобная исламизация ведет к радикализации. Следующее же предложение звучит так: «Одним из признаков такого ухода в себя является рост интереса к более строгому и иногда радикальному исламу».¹³ В другом отчете по ситуации в Таджикистане тот факт, что «внешние признаки строго соблюдаемого ислама становятся все более заметными и быстро распространяются», связывают с мусульманами, которые бросают работу и отказываются слушать немусульманскую музыку.¹⁴ В своих комментариях директор проекта Центральной Азии в Международной группе по предотвращению кризисов Дейдре Тинан также заявил, что воинствующие экстремистские организации «ИДУ» и «Движение за

¹⁰ Adeeb Khalid, 'A Secular Islam: Nation, State, and Religion in Uzbekistan', *International Journal of Middle East Studies*, 35(4): 573–98 (2003); Chris Hann and Mathijs Pelkmans, 'Realigning Religion and Power in Central Asia: Islam, Nation-State and (Post)Socialism', *Europe-Asia Studies*, 61 (9): 1517–41 (2009).

¹¹ Bayram Balci, 'The rise of the Jama'at al Tabligh in Kyrgyzstan: the revival of Islamic ties between the Indian Subcontinent and Central Asia?' *Central Asian Survey*, 31(1): 2012, стр. 63-4, 65.

¹² В книге Адиба Халида (Adeeb Khalid) *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia* (University of California Press, 2007), приводится информативное введение в природу данных процессов.

¹³ ICG, *Kyrgyzstan: Widening Ethnic Divisions in the South*, Report No. 222 (March 2012), p. 12.

¹⁴ ICG, Tajikistan: *The Changing Insurgent Threats*, Report No. 205 (May 2011), p. 16.

независимость Восточного Туркестана» могут найти «аудиторию, скептически настроенную, но готовую прислушаться к кому угодно, если тот заявляет, что может действовать иначе».¹⁵ Столь громкими заявлениями ICG преподносит «радикализацию» как явление, заметное в Средней Азии с точки зрения растущей поддержки альтернативных и политических форм ислама, а также снижающейся поддержки светского государства.

Склонность ICG приравнивать исламизацию к радикализации проявляется еще и в том, что Группа не видит разницы между политическим исламом, исламизмом и радикальным исламом.¹⁶ Это становится ясно из брифинга ICG от 2009 года: «В настоящем отчете термин «исламистский» используется для обозначения политических активистов, стремящихся внедрить исламское право путем мирных демократических мероприятий, миссионерской работы, ненасильственной пропаганды или путем воинствующего джихада».¹⁷ Похожее собирательное понятие используется Сайфертом в контексте «исламского фактора» в евроазиатском регионе.¹⁸ Столь всеобъемлющее определение термина «исламист» может легко привести к тому, что всех сторонников политического ислама будут считать исламистами, и радикалами и анти государственниками. Столь огульная классификация приводит к неожиданному соседству. Эти термины, например, были бы применимы, как в отношении бывшего лидера ИДУ Тахира Юлдашева, так и в отношении бывшего кандидата в президенты Кыргызстана Турсунбая Бакира уулу. Используя вместо терминов «исламист» - «христианский фундаменталист», «исламский» – «христианский», а «джихад» – «крестовый поход», определение политического христианства становится достаточно широким, чтобы попытаться объединить Господню армию сопротивления Уганды (LRA) с консервативной Республиканской партией США. Если LRA и ИДУ можно справедливо отнести к противникам светского государства, то Бакира уулу и Республиканскую партию уже нельзя.

Здесь важно не исказить утверждения ICG. Отношения между исламизацией общества и политической радикализацией не представляются, как что-то определенное (и в одном из отчетов четко говорится о том, что исламизация может происходить без радикализации).¹⁹ Также, заявляется расплывчато, что преследование мусульман авторитарными государствами разжигает радикализацию (см. утверждение 3). К примеру, в отчете Central Asia: «Islamists in Prison» от 2009 года отмечается следующее:

Органы безопасности не видят разницы между ненасильственными религиозными движениями и теми, кто открыто поддерживает вооруженную борьбу. Это увеличивает разрыв между соблюдающими мусульманами и центральным правительством, что, в свою очередь, является особенно опасным вектором развития в период возрастающих вооруженных выступлений мусульман.²⁰

¹⁵ Deidre Tynan, 'Will Beijing Step up in Central Asia?' Первоначально был опубликован на сайте CNN 14 марта 2013 года

<http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/tynan-will-beijing-step-up-in-central-asia.aspx>.

¹⁶ ICG, *Kyrgyzstan: Widening Ethnic Divisions in the South*, pp. 3, 17; ICG, *Tajikistan: The Changing Insurgent Threats*, p. 16; ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, Briefing No. 97 (December 2009), p. 2.

¹⁷ ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, p. 3, fn 18.

¹⁸ Arne C. Seifert, 'The Islamic Factor and the OSCE Stabilization Strategy in its Euro-Asian Area', Hamburg: Centre for OSCE Research, Working Paper No. 4, 2011, pp.2, 4.

¹⁹ ICG, *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan*, pp. ii, 26.

²⁰ ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, p. 1.

Несмотря на это, в отчетах ICG фигурирует предполагаемая (но не доказанная) связь между исламизацией и радикализацией. Прочие эксперты по вопросам безопасности делают то же предположение в более резкой форме, без малейшей критики сообщая об инициативах правительств стран Средней Азии по борьбе с радикализацией. Как вскользь сообщил сайт Central Asia Online, финансируемый Министерством обороны США, одна казахская женщина «оказалась на распутье между светской жизнью и радикализмом. Своевременная психологическая поддержка и консультация [со стороны неправительственной организации в Казахстане, уполномоченной государственным комитетом по религиозным вопросам] отвели ее от пути к экстремизму».²¹ Подобная манера предоставления информации сбивает с толку. Вполне вероятно, что секуляризируемые сообщества в большей степени ощущают развитие радикального ислама в маргинальных слоях (что происходит в секулярных сообществах в Европе), однако подобные отношения не рассматриваются в подобном анализе.

Несмотря на отсутствие доказательств предполагаемой взаимосвязи между исламизацией и радикализацией, подобное утверждение делается и в дискурсе политической верхушки стран Средней Азии. Правительства стран целого региона стремились связать всю политическую оппозицию с растущей исламской радикализацией, проявляющейся через общие признаки исламизации. Они предполагают, что правительства западных стран, а также население, которое те представляют, готовы принять утверждение, что неконтролируемый ислам представляет собой угрозу и прелюдию для терроризма, как и в соседнем Афганистане. За последние 20 лет политический режим в Узбекистане прибегал к подобным формулировкам, чтобы оправдать жесткие меры, принимаемые против политических оппонентов; это проявлялось, к примеру, в отношении к местному бизнесу и политическим организациям (так называемое движение «Акромия») в Андижане до восстания и резни в 2005 году, а также после нее.²² Другие государства Средней Азии последовали этому примеру и заявили, что мусульмане, не согласные с правительством, придерживаются радикальных взглядов и таким образом представляют угрозу обществу. Подобным определением радикализма они причисляют всю оппозицию к экстремистам и потенциально воинствующим группам. Это выгодно как для их стремления к общественному признанию, так и для их взаимоотношений с правительствами зарубежных стран и с их агентствами по вопросам безопасности.

Однако внутри предположения, что исламизация обозначает радикализацию, лежит непонимание отношений между религией и политикой в Средней Азии. Между ними предполагаются изначально противоборствующие отношения, а в случае с исламом конфликт кажется еще острее. Подобная исламофобия, кроющаяся в глубине, выглядит странно, поскольку она дает неверное представление о заявлениях, сделанных публично, а также о свидетельствах, получаемых от мусульман Средней Азии. Если растущее проявление набожности среди мусульман является общей тенденцией, то «радикализацию» измерить сложно или вообще невозможно. Мы не нашли повода связать растущее соблюдение религиозных ритуалов с критическим отношением к государству. Лишь около шести

²¹ Alexander Bogatik, 'Kazakh NGOs help officials prevent extremism', Central Asia Online, 15 October 2014, http://centralasiaonline.com/en_GB/articles/caii/features/main/2014/10/15/feature-01

²² См. статью Nick Megoran, 'Framing Andijon, Narrating the Nation: Islam Karimov's Accounts of the Events of 13 May 2005', Central Asian Survey, 27 (1): 15–31 (2008).

процентов респондентов заявили, что стали чаще молиться во время политического кризиса. Среди респондентов, заявивших, что религия сильно влияет на их поведение, 30 процентов либо никогда не молятся, либо молятся только по особым случаям или в тяжелые времена.²³ Нет четких свидетельств того, что растущее соблюдение ислама согласуется с растущей вовлеченностью в политическую оппозицию.

Авторитаризм и бедность приводят к радикализации

Предположения о том, что сочетание авторитаризма и бедности приводят к радикализации, выдвигаются в порядке вещей.²⁴ Это утверждение широко распространено в отчетах ICG. В отчете *Central Asia: Decay and Decline* от 2009 года отмечалось, что правительства стран Средней Азии «должны понять, что мириться с существующим положением – означает спровоцировать те самые проблемы, которых они опасаются: еще большее обнищание, нестабильность, радикализацию и потенциальный развал государства».²⁵ «Исчезновение базовых услуг»²⁶, «плохие жилищные условия, коррупция и злоупотребление властью»²⁷, «экономический кризис и подтасованные выборы»²⁸, «снижение спроса на трудовых мигрантов»²⁹, «плачевные социальные и экономические условия»³⁰, а также «корыстная и продажная политическая элита» рассматриваются в отчетах ICG как причины радикализации.³¹ В этих отчетах сочетание политической и экономической неразвитости отражает укоренившееся мышление в категориях модернизации, являющееся традиционным в западном секулярном дискурсе, связанном с вопросами безопасности, и особенно очевидным в отчетах ICG. С этой весьма ограниченной точки зрения кажется, что неразвитость приводит и к высокой степени религиозности, и к религиозной воинственности. Даже развивающаяся экономика стран Средней Азии попадает под этот анализ. В отчете *Kazakhstan: Waiting for Change* эта точка зрения высказана без обиняков:

Существует множество различных теорий по поводу того, что стоит за [террористическими] атаками [произошедшими в Казахстане в 2011 году], какую идеологию и политику они исповедуют. При этом специалисты и политические деятели Казахстана почти единогласны в своем мнении: главной причиной существования и распространения религиозной радикализации является неприглядная социально-экономическая ситуация в регионах – в частности, на западе страны.³²

Утверждение, лежащее в основе мифа о радикализации в постсоветский период, является вполне понятным и соответствует тому типу политического анализа, который предлагает множество журналистов и политических комментаторов. Эта точка зрения является особенно убедительной, поскольку ее широко разделяют представители элиты западных

²³ По результатам исследования Монтомгери (Montgomery, 2005).

²⁴ V. Zhavoronkova, "Experts: Poor Political Systems in Central Asia May Lead to Extremism." *Trend News*. 18 February 2010, at: en.trend.az/news/politics/foreign/1641159.html

²⁵ ICG, *Central Asia: Decay and Decline* Report No. 201 (2011), p. 36.

²⁶ *Ibid.*, p. i.

²⁷ ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, p. 13.

²⁸ ICG, *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan*, p. ii.

²⁹ ICG, Report No. 183 (2010), p. 14.

³⁰ ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, p. 1.

³¹ Tynan (2013).

³² ICG, *Kazakhstan: Waiting for Change*, Report No. 250 (September 2013), p. 19.

государств, региональных властей и республик Средней Азии (все из которых прошли через длительную и масштабную секулярную модернизацию). Голоса неправительственных сил в наименее репрессивных частях Средней Азии с готовностью делают аналогичные заявления. К примеру, Каныбек Османалиев, аналитик из Кыргызстана, опровергает гипотезу, что недавние случаи политического насилия в Кыргызстане можно отнести к «религиозному терроризму», но при этом он рассуждает о том, что возросшее влияние партии Хизб ут-Тахрир (ХТ) в стране произошло в результате авторитарной политики правительства.³³ Подобный анализ не расходится с дискурсом международных секулярных организаций по безопасности в отношении ислама в Средней Азии.

Повторяем еще раз, в подтверждение этого утверждения практически нет доказательств. О степени поддержки запрещенных международных группировок (как военизированных, так и ненасильственных), придерживающихся крайних политических взглядов, надежных данных нет. Однако подобные группировки явно имеют определенную поддержку в Казахстане (который с большим отрывом является самой богатой из среднеазиатских республик) и в Кыргызстане (одной из самых бедных). По признанным показателям эти страны также являются «наиболее демократичными». При этом в Туркменистане – самой авторитарной стране региона – случаев воинствующего экстремизма не наблюдалось. Узбекистан также является высоко авторитарной страной, но большинство группировок, появившихся на его территории, были успешно подавлены и (или) вытеснены. В Таджикистане воинствующие экстремистские организации (ВЭО), являвшиеся второстепенными участниками гражданской войны, стали терять силу после завершения войны в конце 1990-х годов.³⁴ Опыт Таджикистана позволяет предположить, что существует очевидная связь между политической нестабильностью и проявлением воинствующего экстремизма (включая, но далеко не в первую очередь исламский экстремизм). Подобное заявление граничит с тавтологией. В конфликтной ситуации ислам, являющийся крупнейшей общественной силой, будет втянут в этот конфликт как один из возможных источников разногласий и урегулирования.³⁵

Эти заявления не призваны снизить важность проблем бедности, авторитарного правительства и сопутствующей политической нестабильности в тяжелом положении региона. Мы всего лишь хотим сказать, что идея о том, что радикализация с большей долей вероятности возникает в авторитарных государствах и среди бедного населения, не имеет под собой доказательств. Более того, находится все больше подтверждений теории, согласно которой небольшое количество лиц и малых группировок тянется к воинствующему экстремизму, а не к демократии и процветанию западного общества. При этом

³³ Niyazova, Makhinur (2011), «Каныбек Османалиев: «В Кыргызстане религия для силовых структур – только повод оправдать свои действия» Информационное агентство 24.kg, 19 января. По ссылке <http://www.24kg.org/community/90951-kanybek-osmonaliev-v-kyrgyzstane-religiya-dlya.html>, проверено: 10 мая 2011.

³⁴ ВЭО занимали маргинальную позицию в отношении самой войны. Военное крыло ИПВТ нельзя рассматривать как ВЭО, поскольку его взгляды не были по сути антигосударственными; они не выступали ни за создание Халифата, ни за новую государственную систему, а хотели не более чем изменения конституции. «ИДУ» является ВЭО, но это движение было второстепенным игроком в ограниченном регионе (в Раштской долине) в последних этапах войны. Группировки ряда независимых таджикских командиров (например, Мулло Абдулло) можно отнести к ВЭО, поскольку они придерживались экстремистских взглядов и прибегали к насилию.

³⁵ Макглинчи (McGlinchey) доходит до того, что называет ислам эпифеноменальным в качестве источника мобилизации против государства в Узбекистане. Eric McGlinchey, *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia* (University of Pittsburgh Press, 2011), p. 134.

исследователи радикализации предлагают недостаточно убедительных и обоснованных объяснений тому, по какой причине (и где именно) возникает радикализация.

Подпольные мусульманские группировки радикальны

То, что подпольные мусульманские группировки являются радикально настроенными, обычно считается очевидным фактом. Существует множество самопровозглашенных исламских группировок, которые были запрещены в Средней Азии и были вынуждены уйти в подполье. Западные специалисты, занимающиеся анализом вопросов безопасности, зачастую разграничивают группировки, на счету которых имеются независимые доказательства совершенного насилия, и группировки, не имеющие подобной истории. Группа ICG зачастую критикует правительства стран Средней Азии за запрет ненасильственных группировок на основании сомнительных свидетельств совершенного насилия. По ее мнению, ХТ является подпольной группировкой, но явно мирно настроенной – это показательный пример.³⁶ При этом даже если западные аналитики разграничивают воинствующие и ненасильственные группировки, то они все равно называют их радикальными. Например, в отчете *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan* от 2009 года отмечается, что правительство страны «несоразмерно полагается на меры безопасности в борьбе с исламским радикализмом, что грозит поощрить, а не разрушить привлекательность ХТ и вполне может вызвать негативную реакцию у общественности».³⁷ Здесь ХТ изображается радикальной организацией; также говорится, что ее привлекательность растет в силу того, что она является подавляемой и подпольной группировкой.

Масштаб столь широко распространенного убеждения измерить сложно. С учетом того, что группировки являются подпольными и практически всегда незаконными, любые утверждения в их адрес очень сложно проверить или опровергнуть опытным путем. Действительно радикальная группировка должна непременно предлагать в своей идеологии радикальный уход от существующего положения, а также демонстрировать организационную возможность реализации предложенной альтернативы. При этом, по имеющимся данным, Джамаат-э Таблиг (самопровозглашенная аполитическая миссионерская организация, запрещенная на территории почти всего региона) и ХТ остаются изолированной и крайне локализованной общественной силой на большей части территории бывшего СССР.³⁸ Более того, нет доказательств, что эти группировки располагают возможностью мобилизовать протестующих против государства лиц в конкретное время и в конкретном месте. Было бы необоснованно предполагать, что большинство членов ХТ придерживается крайних политических взглядов, которые бы более или менее совпадали с официальной позицией группировки по созданию нового халифата. Было бы в равной степени необоснованно считать организацию экстремистской или

³⁶ ICG, *Central Asia: Islamists in Prison*, p. 3.

³⁷ ICG, *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan*, p. iii.

³⁸ Maria Louw, 'Pursuing "Muslimness": Shrines as Sites for Moralities in the Making in Post-Soviet Bukhara', *Central Asian Survey*, 25 (3): 319–39 (2006); Julie McBrien, 'Listening to the Wedding Speaker: Discussing Religion and Culture in Southern Kyrgyzstan', *Central Asian Survey*, 25 (3): 341–57 (2006); Edward Snajdr, 'Gender, Power, and the Performance of Justice: Muslim Women's Responses to Domestic Violence in Kazakhstan', *American Ethnologist*, 32 (2): 294–311 (2005). Организация Джамаат-э Таблиг в Кыргызстане стала успешной и влиятельной за счет того, что она не запрещена и с успехом представила себя властям в качестве неполитической организации. См. Balci, (2012).

«радикальной» только из-за того, что она является подпольной, а ее члены разделяют конспирологические и антисемитские взгляды. Такие люди могут быть всего лишь заблуждающимися ксенофобами и невежественными расистами, но при этом не являть собой последовательную и крайне исламистскую политическую силу. Первоначально термин «радикальный» зачастую использовался при образовании западных демократий для маркировки ярых сторонников либерализма и социализма. Что считать радикализмом сегодня – не ясно. В Средней Азии термин применяется к любой группировке, которая считает себя врагом текущего политического режима.

Тому есть множество примеров. В соответствии с официальной позицией правительства (которую потом перефразировали некоторые влиятельные международные обозреватели), Андижанская резня 2005 года в Узбекистане была результатом попытки радикальных мусульман свергнуть правительство.³⁹ Перемирие в гражданской войне в Таджикистане привело к тому, что ИПВТ стала единственной законной мусульманской политической партией, хотя ее постоянно рассматривали как источник угрозы. Западные аналитики сходятся во мнении, что это первый шаг на пути к более радикальным, воинствующим и боевым группировкам.⁴⁰ Подобные утверждения возникают в результате неспособности как отличить разнонаправленные мусульманские группировки друг от друга, так и разобраться в природе ИПВТ. С одной стороны, руководство ИПВТ осознанно занимало умеренную позицию с момента своей легализации. С другой стороны, в рядах ИПВТ находится много лиц, придерживающихся исключительно исламистской (или «радикальной») политики, имеющих крайне консервативные пристрастия и конспирологическое мышление, а также бывшие лидеры и боевики гражданской войны.⁴¹ В данном контексте обозначения «умеренный» и «радикальный» не способствуют пониманию. Они также не способствуют пониманию умозаключения об отношениях между ИПВТ и иными исламистскими группировками. ИПВТ подвергается все большим нападкам с момента смерти Саида Абдулло Нури, ее основателя и председателя, одного из подписавших мирное соглашение с президентом Эмомали Рахмоном.⁴² Текущий председатель партии Мухиддин Кабири, открытый для переговоров, остался на своей должности и не изменил программу партии. Неясно, действительно ли усиливающееся с 2006 года преследование ИПВТ со стороны таджикского правительства привело к очевидному росту одобрения запрещенных исламских группировок, которые имеют или имели ранее определенную поддержку в Таджикистане (в первую очередь ХТ, Джамаат-э Таблиг, Джамаат Ансарулла и ИДУ). Более того, нет свидетельств, на основании которых можно говорить об усилении или ослаблении степени экстремизма ИПВТ за период ее подпольного существования.

³⁹ Shirin Akiner, *Violence in Andijon, 13 May 2005: An independent Assessment*, Silk Road Studies Program, Washington, DC, 2005.

⁴⁰ Ben West, 'Islamist Militancy Gathers Momentum in Tajikistan', *Asian Affairs* XIV (12), (October 2010), <http://asianaffairs.in/october2010/afghanistan.html>.

⁴¹ Tim Epkenhans, 'Defining Normative Islam: Some Remarks on Contemporary Islamic Thought in Tajikistan – Hoji Akbar Turajonzoda's Sharia and Society', *Central Asian Survey*, 30 (1): 81–96 (2011).

⁴² Sophie Roche and John Heathershaw, 'Islam and Political Violence in Tajikistan: An Ethnographic Perspective on the Causes and Consequences on the 2010 Armed Conflict in the Kamarob Gorge', *Ethnopolitics Paper No. 8*, Exeter Centre for Ethnopolitical Studies, March 2011.

Радикальные мусульманские группировки объединены в международную сеть

За распространенным утверждением, что мусульманские группировки объединены в единую сеть, кроется страх того, что связанные организации сложнее контролировать, чем разрозненные местные группировки. Для анализа данного утверждения следует определить положение предположительно радикальных группировок Средней Азии в глобальном джихаде, а также позиции противников в так называемой Всемирной борьбе против терроризма. Зачастую приводится цитата о том, что среди почти 800 человек, захваченных войсками США и гражданскими охотниками за преступниками, было как минимум 32 выходца из стран бывшего СССР, которые были отправлены в тюрьму Гуантанамо в первые четыре года Войны против терроризма. Это, вероятно, самый распространенный ориентир для людей, которые заявляют о входе постсоветского пространства в глобальную джихадистскую сеть.⁴³ ИДУ – крупную военную силу, выступающую на стороне Талибана – представляют как образцовый пример включения мусульманских группировок Средней Азии в глобальную сеть. В одном из отчетов ICG за 2010 год высказывается мнение, что «ИДУ, кажется, стало межрегиональной силой; в нее входят таджики, киргизы, татары и казахи, а также чеченцы и кавказские боевики».⁴⁴ В отчете ICG за 2012 год говорилось, что «реальное количество завербованных [для военной подготовки в ИДУ] после июня [2010] практически наверняка составляет лишь долю официальной цифры».⁴⁵ В других документах проводятся связи с Китаем; и говорится, что ИДУ провело «интернационализацию».⁴⁶

Поскольку среди ВЭО невозможно провести полевое исследование, и поскольку для подобных утверждений недостаточно непосредственных доказательств, то в качестве доказательств часто используется материал вебсайтов. В отчете *Tajikistan: The Changing Insurgent Threats* от 2011 года отмечается следующее:

С распространением интернета информационный обмен изменился коренным образом. Связи между исламскими боевиками в Средней Азии, Афганистане и на территории бывшего Советского Союза более не являются прямолинейными. Традиционная линейная передача приказов и обмена информацией дополняется неформальной сетью контактов на различных уровнях через интернет. Подобные каналы коммуникации позволяют задействовать нужные примеры для подражания со стороны нового поколения боевиков и практически наверняка используются для вербовки. Теперь не вызывает удивления ситуация, когда таджикский сторонник ИДУ почитает память Саида Бурятского, российско-бурятского идеолога подполья, убитого в Ингушетии в марте 2010 года; или когда на сайте дагестанских партизан публикуют хвалебную песню в адрес моджахеда из другой страны, действующего вдоль границы Пакистана

⁴³ Среди 759 людей, названных Министерством защиты США в 2006 году, четверо было гражданами Казахстана, девять человек – россиянами, двенадцать – гражданами Таджикистана, и шестеро – гражданами Узбекистана. Почти все они уже выпущены на свободу, и было доказано, что многие из них никогда не участвовали в боевых действиях на стороне противника. *List of Individuals Detained by the Department of Defense at Guantánamo Bay, Cuba from January 2002 through May 15, 2006*, <http://www.defense.gov/news/May2006/d20060515%20List.pdf>.

⁴⁴ ICG, *The Pogroms in Kyrgyzstan*, Report, No. 193 (August 2010), p. 23.

⁴⁵ ICG, *Kyrgyzstan: Widening Ethnic Divisions in the South*, p. 3.

⁴⁶ ICG *Tajikistan: The Changing Insurgent Threats*, pp. 10, 12.

и Афганистана; или когда Имарат Кавказ публикует воззвание от «моджахеда из Таджикистана» как дань памяти Мулло Абдулло и призыв атаковать полицию и представителей правительства.⁴⁷

При этом авторство и репрезентативность подобных сайтов оценить также сложно, если вообще возможно. Зачастую специалисты, занимающиеся анализом вопросов безопасности, нуждаются в информации и цитируют такие сайты без тени сомнения. Это удобно. Гипотеза о международной сети ВЭО настолько распространена, что она становится универсальным языком, на котором все наблюдатели от либеральных западных ученых до представителей авторитарных правительств Средней Азии находят общие точки соприкосновения. Людям, которые чувствуют угрозу от политического ислама, легко увязать «радикальные» группировки из Средней Азии с Аль-Каидой или навесить на них ярлык «ваххабитов», подразумевая, что эти группировки имеют схожую сущность. В таком контексте техник из кыргызской деревни, являющийся членом ХТ, неким образом связан с каким-нибудь высокопоставленным членом Аль-Каиды, проживающим в Йемене.

Даже с учетом скудной информации по среднеазиатским ВЭО ситуация выглядит намного более сложной. Они не объединены в глобальную сеть, а скорее локализованы вне Средней Азии. ИДУ, в частности, более не является среднеазиатской группировкой (несмотря на название) и не ведет активность в регионе с начала Войны против терроризма в 2001 году. К тому же ни один из граждан стран Средней Азии, помещенный в Гуантанамо, не был пойман в своей родной стране, а в Афганистане и Пакистане, где те воевали. Для группировок, якобы объединенных в международную сеть и присутствующих в Средней Азии, ситуация будет иной: разговор пойдет как о глобализации, так и о локализации. ХТ, к примеру, является транснациональным движением, штаб-квартира которой расположена в Великобритании, но результаты расследования позволяют предположить, что многие члены организации в Средней Азии не подозревают о ее международном характере.⁴⁸ Они также не всегда догадываются о том, что часть их литературы носит антисемитский характер.⁴⁹ Они видят себя частью крупного движения, придающего им чувство значимости и правомерности, при этом они знают крайне мало об идеологических нюансах организации, поскольку проблемы, которые их волнуют, носят несомненно локальный характер.⁵⁰

Сегодня возникает показательная ситуация, когда мусульмане Средней Азии в значительном количестве сражаются за границей во имя ислама, это довольно неординарное положение. Кристиан Блойер замечает, что жители стран Средней Азии воевали в Афганистане и Пакистане с 2001 года, но еще большее количество выходцев из других мусульманских регионов и Европы присоединилось к боевикам в поддержку Исламского государства (ИГ) в далеком Ираке и Сирии с 2012 года. Данный факт опровергает многочисленные поверхностные аргументы, согласно которым очевидные культурные различия, географическая близость и отрывочные свидетельства о связях с группировками представляются западными и местными аналитиками в качестве весомого доказательства

⁴⁷ Ibid., p. 10.

⁴⁸ Монтгомери, данные из полевой работы, 2004–5, 2006, 2012.

⁴⁹ Собранные в Кыргызстане брошюры, а также заявления, сделанные Хизб ут-Тахриром в начале 2000-х, носят антисемитский характер.

⁵⁰ Монтгомери, данные из полевой работы, 2004–5, 2006, 2012.

угрозы среднеазиатским республикам со стороны Афганистана и (или) Ближнего Востока.⁵¹ По мнению Блойера большинство завербованных из Средней Азии прибыли через Россию и (или) Турцию – это намного более удобный маршрут, чем переправляться через Амударью и отправляться в соседний Афганистан.⁵² Несмотря на это считается, что в воинских подразделениях ИГ сравнительно мало мусульман из Средней Азии по сравнению с выходцами из Европы (в процентном отношении к численности населения).⁵³

Боевики-мусульмане из Средней Азии все чаще встречаются в ИГ, при этом сама Средняя Азия так и не представляет собой плодородную почву для возникновения международных идеологических и политических связей. Если бы мусульмане региона были в курсе международных течений политического ислама, то они были бы знакомы с Сайидом Кутбом, работы которых оказали влияние на Усаму бен Ладена, Аймана Завахири, Анвара аль-Авлаки и на организацию Аль-Каида.⁵⁴ Однако степень известности подобных религиоведов в Средней Азии ничтожно мала (в нашем исследовании лишь 2 процента респондентов знали имя Кутба). В реальности большинство кыргызов и узбеков знакомы с именами таких всемирно известных исламоведов, как Мухаммад аль-Бухари и Ибн Сина (25 и 42 процента соответственно), которые знамениты своей ролью не в развитии ислама, а в краеведении.⁵⁵ Это еще одно свидетельство секулярности Средней Азии, где ислам рассматривается как источник культуры, истории, общественных нравов и морали в поведении. Мусульманские сообщества Средней Азии остаются не восприимчивыми к международным нормам ВЭО и опасаются прихода их в регионы из стран Ближнего Востока и Южной Азии.

Политический ислам противостоит светскому государству

Последнее утверждение кажется вполне очевидным для большинства секуляристов и исламистов, поэтому оно применяется бездоказательно в большей части политического дискурса и анализа по обеим сторонам добровольно выстроенного барьера. Среднюю Азию принято рассматривать в контексте секулярных лидеров, прошедших советскую школу и столкнувшихся с проблемой возрастающей религиозности и политической активности населения. В отчете ICG за 2009 год отмечается, что «радикализация [...] усложнила бы задачу поддержания секулярности Казахстана».⁵⁶ Использование термина «радикализация»

⁵¹ Independent Conflict Research and Analysis, 'Comment: changes in militancy in Afghanistan's neighbourhood', August 2014, неопубликовано; Также см. RFE/RL, 'In Tajikistan, Kyrgyzstan, Rumors Of Instability Abound As Fears Of IS Grow', 21 October 2014, <http://www.rferl.org/content/tajikistan-kyrgyzstan-islamic-state-instability/26649000.html>.

⁵² Christian Bleuer, 'To Syria, not Afghanistan: Central Asian jihadis 'neglect' their neighbor', *Afghanistan Analysts Network*, 8 October 2014, <https://www.afghanistan-analysts.org/to-syria-not-afghanistan-central-asian-jihadis-neglect-their-neighbour/>.

⁵³ По осторожным оценкам число европейских мусульманских боевиков в Ираке и Сирии (из расчета на миллион человек страны происхождения) намного выше, чем выходцев из стран Средней Азии. В августе 2014 года *The Economist* сообщил о 400 боевиках из Великобритании и 800 из Бельгии, при этом по оценкам радио RFE/RL на всю Среднюю Азию пришлось 400 боевиков. Лемон (Lemon) предполагает, что это заниженная оценка, и что фактическое число наверняка «превышает 500». Несмотря на это, в Европе намного меньше мусульман, чем в Средней Азии, где большая часть населения причисляет себя к мусульманам. Таким образом, доля европейских мусульман, сражающихся за ИГ, намного выше, чем доля выходцев из Средней Азии. См.: 'It ain't half hot here, mum: Why and how Westerners go to fight in Syria and Iraq', *The Economist*, 30 August 2014; Edward Lemon, 'Assessing the Threat of Returning Foreign Fighters from Central Asia', *Geopolitical Monitor*, 18 September 2014, <http://www.geopoliticalmonitor.com/assessing-threat-returning-foreign-fighters-central-asia/>

⁵⁴ Тот факт, что имя Кутба ассоциируется с угрозой Аль-Каиды, заслоняет собой вклад Кутба в современный исламизм. См. John Calvert, *Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islam* (Columbia University Press, 2010).

⁵⁵ По результатам исследования Монтоммери (Montgomery, 2005). Имя аль-Бухари знакомо многим в связи с его собранием *хадисов* (сбор Сахих Бухари), а имя Ибн Сина – в связи с его книгами по медицине, которые продавались (и зачастую использовались местными целителями) как минимум до 2012 года.

⁵⁶ ICG, *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan*, p. 26; see also p. 17.

для всеобъемлющего обозначения многочисленных групп и типов поведения укрепляет мнение, что весь политический ислам имеет антисекулярную природу. Именно это подразумевается в более позднем отчете ICG по Кыргызстану, в котором говорится, что «дальнейшая отчужденность исламских группировок в Кыргызстане, где последние светские правительства нанесли огромный ущерб идеалам либеральной толерантности и этике, была бы началом трагедии для страны».⁵⁷

В подобном контексте «исламский фактор» представляется как сила, противопоставляемая светской, и следовательно требующая урегулирования.⁵⁸ Даже в ряде сдержанных научных статей проводится четкая граница между секуляризмом и религиозностью ради возможности привести аргументы о совместимости некоторых проявлений ислама с демократией.⁵⁹ Секуляристы и некоторые представители политического ислама в Средней Азии прибегают к аналогичным аргументам. Даже легальные и открыто аполитичные (но при этом негосударственные) мусульманские организации в Средней Азии, как, например, Джамаат-э Таблиг в Кыргызстане или Исмаили в Таджикистане, обычно сталкиваются с крайней подозрительностью со стороны открыто секулярных правительств региона.⁶⁰ В Таджикистане исламско-светский диалог приобрел более враждебную окраску, стал менее регулярным и менее продуктивным с 2000 года, поскольку представители государства (к примеру, Сухроб Шарипов, теперь являющийся членом парламента) безоговорочно поддерживают активный секуляризм вдоль границ тюркоговорящих государств.⁶¹ Дебаты о браке и предложение ввести перерывы на молитву в работе парламента Кыргызстана настроили секуляристов (как, например, гражданского активиста Динару Ошурахуну) против сторонников более выраженной роли ислама в общественной жизни (например, депутата парламента Турсунбая Бакира Уулу).⁶² В подобных дебатах легко предположить, что на общественной площадке политический ислам противостоит светскому государству.

При этом граница между религиозностью и светскостью проводится не реальная, а предполагаемая, причем проводится она зачастую самим светским правительством. Подобная политика и общественные дебаты ведут к расколу; они отвлекают от более широкого контекста постсоветского мусульманского населения, которое стремится к светским устоям и к отводу религии в сферу частной жизни. По результатам нашего исследования 62 процента людей, заявивших, что религия в значительной степени влияет на их жизнь, считают, что религия должна касаться только духовных вопросов. При этом 51 процент той же группы респондентов считает, что государственное законодательство должно отражать религиозное право.⁶³ Как нам разобраться в этих очевидно противоречащих друг другу заявлениях? Единственный способ – признать, что секулярность и ислам (в том числе

⁵⁷ ICG, *Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses*, Briefing No. 102 (April 2010), p. 15.

⁵⁸ Seifert, *The Islamic Factor and the OSCE Stabilization Strategy in its Euro-Asian Area*, p. 3.

⁵⁹ Kathleen Collins and Erica Owen, 'Islamic Religiosity and Regime Preference: Explaining Support for Democracy and Political Islam in Central Asia and the Caucasus', *Political Research Quarterly*, 2012, 65(3), pp. 49–515

⁶⁰ Bayram Balci (2012); Zamira Dildorbekova. 'Dynamics of Islam and Democracy in Tajikistan', Ph.D Thesis, University of Exeter 2014.

⁶¹ Avesta, «Рейтинг коммунистов в Таджикистане стоит выше исламистов – глава ЦИК» 13 января 2011,

<http://www.avesta.tj/index.php?newsid=7040>, проверено 17 мая 2011.

⁶² Толгонай Осмонгазиева, «Светская» беседа депутата и правозащитника» Информационное агентство 24.kg, 14 января 2011,

<http://www.24kg.org/parlament/101721-v-parlamente-kyrgyzstana-proizoshla-ocherednaya.html>, проверено 1 мая 2011; Бенгард

Анастасия: «Почему в Кыргызстане отдельные политики руководствуются нормами шариата, желая подменить ими гражданские акты?» Информационное агентство 24.kg, 18 января 2011, <http://www.24kg.org/community/99663-v-gorode-karakole-issyk-kulskoj-oblasti.html>, проверено 10 мая 2011.

⁶³ По результатам исследования Монтгомери (Montgomery, 2005)

политический ислам) не являются взаимно исключаящими силами. В частности, из результатов опроса нельзя сделать вывод, что 51 процент мусульман Средней Азии поддерживает шариат, поскольку он не пользуется значительной общественной поддержкой среди подавляющего большинства населения бывшего Советского региона. Напротив, полученные результаты легче понять, если действия государства видятся как аморальные, а реформу облачают в религиозную риторику, поскольку религия является авторитетом в вопросах морали. Результаты опроса можно рассматривать и с точки зрения секуляризма в религиозном воплощении, варианты которого встречаются по всему миру, включая Великобританию.

Столь комплексные сочетания ислама и секуляризма типичны для постсоветской Евразии; они отражаются в доминирующих политических дискурсах по всему региону. Доказательств массового недовольства светским характером государства в странах Средней Азии практически не существует. По результатам нашего исследования менее двадцати процентов опрошенных несогласно с утверждением, что религия должна заниматься исключительно духовными вопросами. ИПВТ неоднократно отказывалась разработать платформу для теократической политики и предлагала вместо нее государственную систему экономического развития. В Кыргызстане (несмотря на активность ХТ и на отсутствие политической стабильности с 2005 года) практически не наблюдалось исламистской мобилизации, и в тех редких случаях, когда она все-таки происходит, можно найти особые причины, лежащие в основе разрыва отношений между мусульманскими лидерами и местным правительством.⁶⁴ Ряд публичных фигур – к примеру, Кадыр Маликов, директор Бешкекского центра «Религия, право и политика» – в ответ на споры, подобные спору между Ушархуновой и Бакиром уулу, предупредили об опасности противопоставления религиозных ценностей светским.⁶⁵ Столь здравая точка зрения дает понять ложность якобы существующей необходимости выбора между исламским возрождением и политикой безопасности воинствующего секуляризма в регионе, где религия остается преимущественно личным и социальным явлением, привязанным к этнической идентичности группы, а не движущей силой политической мобилизации.

Заключение

В поддержку идеи мусульманской радикализации в Средней Азии в постсоветский период существует очень мало доказательств. Имеется еще меньше доказательств для обоснования страха существенного присутствия исламских ВЭО в регионе. В период с 2001 по 2013 произошло три нападения, которые вероятно были заявлены подобными группировками; в общей сложности погибло 11 человек. За этот период лишь 0,1 процент терактов по всему миру произошло в Средней Азии, при этом в регионе проживает около одного процента населения планеты.⁶⁶ Из 51 организации, которые на данный момент внесены в Список

⁶⁴ Alisher Khamidov, 'The Lessons of the "Nookat Events": Central Government, Local Officials and Religious Protests in Kyrgyzstan', *Central Asian Survey*, 32 (2): 148–60 (2013).

⁶⁵ Каримов Данияр, «Кадыр Маликов: Отсутствие политической гибкости со стороны некоторых депутатов парламента Кыргызстана может нанести вред общине мусульман всей страны», информационное агентство 24.kg, 3 мая 2011, <http://www.24kg.org/community/99663-v-gorode-karakole-issyk-kulskoj-oblasti.html>, проверено 17 мая 2011.

⁶⁶ Global Terrorism Database . (2012). <http://www.start.umd.edu/gtd>, Три нападения, заявленные ВЭО, касаются Ташкента в июле 2004 года (от имени ИДУ), события в Андижане и Ханабаде в мае 2009 года (от имени СИД) и нападения в Атырау в октябре 2011 года (от

иностранных организаций, признанных террористическими Государственным департаментом США, лишь две имеют хотя бы какое-то отношение с постсоветскими республиками Средней Азии.⁶⁷ Даже эти две организации – ИДУ и его подразделение СИД (Союз исламского джихада) – как минимум неактивны в регионе, и с 2009 года от их имени не осуществлялось даже попыток нападений к северу от реки Амударья. Эти организации лучше воспринимать как группировки, чьи цели и перспективы лежат за пределами региона, а именно – в контексте политики Афганистана и Пакистана.⁶⁸ Существует важное разграничение между республиками Средней Азии и другим мусульманским регионом бывшего Советского Союза: Северным Кавказом, где ВЭО представляют собой региональную проблему, существующую в намного более серьезном масштабе.⁶⁹

Если проблема как воинствующего, так и ненасильственного радикального ислама в Средней Азии не имеет под собой практически никаких доказательств, то почему эта мнимая угроза так часто упоминается как в западном, так и в региональном дискурсе безопасности? Причины этого укоренены глубоко, поскольку данный миф продолжают рассказывать, несмотря на возражения, возникающие в результате трезвого анализа и разумного нежелания мимоходом свалить угрозу на «радикальный ислам». В целом ICG предоставляет более осторожную и взвешенную картину «радикализации», чем та, которая встречается в большинстве документов для анализа безопасности, а в одном отчете даже отрицается второй из мифов.⁷⁰ Ряд независимых специалистов, занимающихся вопросами безопасности в Средней Азии (к примеру, Ной Такер и Кристиан Блойер, цитаты из которых приводятся выше), целенаправленно подвергают ряд мифических утверждений трезвому анализу.

И несмотря на это, подобные исключения для шести рассматриваемых в статье утверждений заслоняются общей тенденцией, в рамках которой сохраняется миф о мусульманской радикализации в Средней Азии в постсоветский период. Предположения о распространении радикализации и ВЭО, выявленные в отдельных частях Кавказа, Ближнего Востока и Южной Азии, достаточно заурядны, и они так же характерны и для Средней Азии.⁷¹ Идея мусульманской радикализации в постсоветский период навязчиво пропагандируется правительствами стран региона, которые опасаются своих политических оппонентов и ищут поддержки со стороны международной безопасности для своего режима. Подобные страхи типичны даже для независимой прессы Кыргызстана – самой открытой страны в регионе.⁷²

имени Джунд аль-Хилафа – «Армии Халифата»). При этом некоторые наблюдатели (в последнем случае – ICG, 2003) выразили сомнения, действительно ли группировки взяли ответственность за совершенные нападения. Также см. Craig Murray, *Murder in Samarkand*, London: Mainstream, 2006.

⁶⁷ Список иностранных организаций, признанных террористическими Государственным департаментом США, проверено 4 ноября 2013, <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>.

⁶⁸ Noah Tucker, *Violent Extremism and Insurgency in Uzbekistan: A Risk Assessment*, Washington, DC: USAID, 2013.

⁶⁹ Национальный консорциум [США] по изучению терроризма и средств противодействия терроризму (START) сообщает от 39 терактов, произошедших в Средней Азии, по сравнению с 1405 случаями на всей остальной постсоветской территории СНГ (преимущественно на Северном Кавказе) в период с 2001 по 2011. Было отмечено, что в Северной Америке произошло 267 терактов, а в Западной Европе 1364. Global Terrorism Database (2012).

⁷⁰ Отчет *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan* предупреждает государства Средней Азии о необходимости разграничивать деятельность ХТ и «традиционные проявления ислама», отмечая, что «радикализацию можно легко спутать с внешними проявлениями (например, ношением головных платков) более умеренного возврата к исламу». ICG, *Women and Radicalisation in Kyrgyzstan*, pp. ii, 26.

⁷¹ Adeb Khalid, *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia* (Berkeley: University of California Press, 2007).

⁷² В ноябре 2010 года в 24 процентах исследованных статей об исламе выражалось беспокойство по поводу зарубежного влияния на национальное исламское развитие. В четырнадцати из 41 статьи, посвященной международному исламскому образованию и опубликованной на сайте информационного агентства Кыргызстана 24.kg, встречалось обсуждение вопросов безопасности и угроз. Первичное исследование, проводившееся для данного проекта.

В этой прессе миф становится инструментом, узаконивающим воинствующий секуляризм слабых режимов, и может представлять собой более серьезную проблему, чем сам воинствующий экстремизм.

Живучесть мифа отражает не исламофобию в чистом виде, а лежащую ее в основе грубую форму секуляризма, присутствующую в современном политическом мышлении как на Западе, так и в Средней Азии. «Секуляризм», по мнению Херда, является «одним из важнейших организующих принципов современной политики, который формирует международную политику безопасности в той же мере, как и способствует сдвигам в социальных отношениях».⁷³ Таким образом, его необходимо изучить в тех частях света (включая Среднюю Азию), которые подвергались как нисходящему, так и восходящему движению секуляризации. Эти кампании и движения, а также реорганизация ислама являются полностью второстепенными современному государству, при этом они до сих пор активно нависают над Средней Азией. Как только получается разобраться в мифе мусульманской радикализации в постсоветский период, становится ясно, что на постсоветском пространстве Средней Азии нет никаких предпосылок религиозной радикализации.

Настоящая статья – это призыв разъединить понятия, которые зачастую объединяют, а также призыв провести тщательный, доказательный анализ того, что обычно принимается на веру. Рост публичного проявления набожности в большей части Средней Азии имеет ряд причин; не обязательно, что он приведет к поддержке политического ислама. Это не должно нас удивлять; существует множество государств с преимущественно мусульманским населением, где политический ислам не является значимой силой. Жизнеспособность секулярного политического мышления в среде элиты и широкой общественности – заметное наследие советской модернизации; вовсе не обязательно оно приведет к такому конфликту между секуляристами и исламистами, который наблюдается в некоторых (но не всех) частях мусульманского мира. Более того, как показывает наше исследование, мусульманская набожность и секулярное политическое мышление могут легко сосуществовать в одном человеке. Из имеющихся доказательств (от малого количества нападений со стороны ВЭО до низкой популярности антисекулярных политических взглядов) можно сделать вывод, что Средняя Азия остается регионом, для которого более характерна секуляризация ислама, чем «радикализация», которую специалисты связывают с исламским возрождением. Проявления экстремизма в Средней Азии остаются, к счастью, единичными, и именно в таком качестве их должны рассматривать специалисты по вопросам безопасности.

⁷³Elizabeth Shakman Hurd. *The Politics of Secularism in International Relations* (Princeton University Press, 2008), p. 23.

Об авторах

Джон Хизершо (John Heathershaw) – адъюнкт-профессор по международным отношениям в Университете Эксетера и главный исследователь научного проекта Европейского совета по научным исследованиям «Усиливающаяся власть и урегулирование конфликтов в Средней Азии».

Дэвид У. Монтгомери (David W. Montgomery) – приглашенный адъюнкт-профессор антропологии в Университете Питтсбурга и директор разработки программы для CEDAR – «Сообщества, сталкивающиеся с различиями и с религией».

Independent thinking since 1920

Chatham House, the Royal Institute of International Affairs, is an independent policy institute based in London. Our mission is to help build a sustainably secure, prosperous and just world.

Chatham House is an independent body that promotes the rigorous study of international questions and does not express opinions of its own. The opinions expressed in this publication are the responsibility of the author(s).

© The Royal Institute of International Affairs, 2014; translation © The Royal Institute of International Affairs, 2015

Cover image © iStockphoto

All Chatham House publications are printed on recycled paper.